

«Над Томью в злато-синей дрожи...»

К 20-летию кемеровского журнала поэзии «После 12». Стихи

Файл: [📄 06_nad_tomiu.zip](#) (13.72 КБ)

Началось все в апреле 93-го, когда в Кемеровском государственном университете появился известный кузбасский поэт Александр Ибрагимов и родилось его детище — литературная студия «Творческая мастерская “А3”».

Уже через год мастерская «А3» становится поэтической меккой Кузбасса — здесь встречаются и читают свои стихи Андрей Правда, Наталья Останина, Алексей Гамзов, Алексей Петров, Дмитрий Мурзин, Наталья Мурзина, Андрей Пятак, Сергей Быков, Евгений Казаков, Макс Уколов, Александр Горбатенко, Сергей Самойленко. Такая концентрация ярких и самобытных поэтов не могла не привести к созданию своего литературного журнала — первый номер «После 12» выходит в августе 95-го года. Это первый кузбасский глянec. Журнал распространяется по всей России автостопом, и его зачитывают до дыр...

Первые десять лет журнал существует на спонсорские средства, с 2006 года поддерживается департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области. В 2011 году «После 12» впервые получает финансовую поддержку от Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям — как социально значимое издание, ориентированное на молодежную аудиторию. В 2014 году учредителем журнала становится «Дом литераторов Кузбасса».

Несмотря на глобальный кризис, «После 12» живет и остается уникальным авторским проектом как по художественному решению, так и по содержанию. Главный редактор — Наталья Ибрагимова, литературный редактор — Александр Ибрагимов, в состав Творческого совета входят известные поэты Кемерова, Новокузнецка, Томска, Барнаула и Москвы.

Представляем семь наиболее ярких авторов «После 12».

Александр ИБРАГИМОВ

Русский петух

Татьяне Николаевой

Дрыхнет в звездах родная дуревня,

Где до одури русский петух

Вместо ало-расстрельного гребня

Натянул гефсиманский треух.

Налетела метель-завируха.

А душа откликается: «Аз!»
Он ослеп, как Петрухино ухо.
Он оглох, как апостольский глаз.
И, с военного снятый учета,
Кукарекнуть он все же не прочь,
Расширяя зрачок звездочета
В треугольно-опричную ночь.

В поднебесии зреет атака.
Поднебесие против небес.
И опасная бритва заката
Розовеет сквозь мартовский лес.

Кукарекает сердце поэта.
Терриконом взрывается мрак.
И когтистые крылья рассвета
Поднимает таежный барак.

В петухах полотенце Пилата.
Крылья вздернуты на крюках.
И рассветная кровь заката
Кукарекает на руках...

Крик поэта до одури древний —
Так восторгом исходит восток.
И висит над родимой дуревней

Вифлеемский отталый дымок.

* * *

Щемящая чашка осталась от брата —

Щемящая чашка из глины заката.

Я в чашку отжал виноградную гроздь

Мерцающе-крупных кладбищенских звезд.

Насколько хватило дыханья и сил,

Я слезы родные из чашки отпил.

И чашку поставил на кухонный стол,

И хлебную крошку счастливо нашел.

К окну подошел и глядел виновато

В забытую чашку из глины заката...

* * *

Над Томью в злато-синей дрожи

На все что хочешь облака похожи.

* * *

Мы отражаемся друг в друге,

Мы подражаем облакам

В блаженно тающем испуге —

И здесь и там...

Алексей ГАМЗОВ

* * *

Ты прав, тысячу раз прав,

друг. Потуже крыло расправь,

лети на круг изумрудных трав

в кругу ледников и неба.

Легче воздуха балахон.

Лети, поднимай баритон на тон:

больше не гений — гелий.

Вечно отныне кружить, Плутон:

апогей, перигелий

и вновь, тысячу раз вновь,

как бог, который не есть любовь.

Без помощи рыб и хлеба.

Ничто ничем не поправ.

Владимир УГРЮМОВ

* * *

Вино и мед — веселье мертвых,

А для живых — шары и змеи

Воздушные. Куда несет их

И кто об этом разумеет?

Уносит, обрывая стебель

Из рук живых и на смех мертвым.
Шары и змеи гаснут в небе,
В нем, ненаглядно распростертом.

Созреет мед, вино забродит.
Сойдутся все к столу под вечер.
Живые нравятся природе,
А мертвым похвалиться нечем.

* * *

Птица мне показала крылья
И улетела, так птицам надо.
И, оглядевшись вокруг, не спросил я:
Есть, кроме крыльев, другая радость?

Кто бы ответил — соврал нещадно,
Проговорился бы, стал бы смертен.
Так я подумал. А впрочем, ладно,
Пусть мне сегодня никто не ответит.

Сергей ФОФАНОВ

Родина

Вот и снова зима... Каждый день, каждый вечер — зима!
Никуда от нее — только в сон и в сознания глубины.
Но по льду, что мне взгляд оковал, поскользил я с ума,
не сыскав полыньи, — вверх, всё вверх... где в краях голубиных
голубых небесят я кровавым кормить буду ртом...

буду — ртом я, и больше ничем, — ртом и кустиком нервов,
рваных вен я и нервов на небе горячем, крутом, —
остальное внизу все возьмет он, земли этот жернов.

...Жернов этой земли, надорвавшейся серой земли,
пробираемой всеми ветрами и высью угрюмой.
Запоет как, закружится он — и найдут меня вдруг,
чтоб развеять в муку, все на свете родные метели.

Руслан СИДОРОВ

* * *

Можно стать тише, тише, еще потише,
Шепотом пыльной травы, листвы, ты слышишь?

Это ж июль. Жара. Солнце льется, льется.

Разве что два ведра, вытащенных с колодца,

Вынудят вскрикнуть. Но вновь наступает тихо.

Точно в немом кино: блестящая гладь, пловчиха.

Ива, носки, трусы, взвешенные на ветках,

Тапочки, в них часы и ключи. И ветра

Можно прождать всю жизнь. Леня доходить до глади.

Перевернись. Лежи. Подушкой — лист тетради.

* * *

В Сибири. Летом. Жарко. Ты — лежишь.

Река — бежит. Тайга — стоит. Погода —

Безоблачна. Безлюдно. Ни души.

Бесчеловечно царствует природа.

Здесь ты — веселый раб. Ты червь песка.

Малек воды. Молекула блаженства.

Сознания беззвучность. Из движенья

Лишь жилка голубая вкривь виска.

Лишь крылышки дневного мотылька.

Алексей ПЕТРОВ

* * *

Не стрелы его оказались глупыми

Он крылья ее разглядел под лупою —

и на иголку

И сны тревожные — будто вещи

Что станешь в рамочке чьей-то вещью

и все без толку...

Течет под камень дорога речкою

Журчит речами и точит вечное

и все проходит

И солнце зимнее в небе ясном

Напоминает что жизнь прекрасна

прекрасна вроде...

* * *

Как будто дождь. И он, увы, прошел.

Не разуваясь.

Здесь не безумно. Просто хорошо.

И не стараясь.

Ни темноты, ни смерти не боясь

В глазу у кошки,

Возможно жить и жить не торопясь,

По чайной ложке.

Полцарства нет, но я еще герой,

И конь на троне,

И дворник с бородатою метлой

Твой сон не тронет.

Здесь кошка-ночь с подпалинами звезд

Легла на крыши.

И несерьезно так, что все всерьез,

Пока ты дышишь.

Татьяна НИКОЛАЕВА

Лист

Как плавно этот лист

слетает в глянец лужи —
асфальтовым кольцом
плененный небосклон...
Лети, ошметок дня!
Ты и опавший нужен
мгновению любви
в бесстрастии времен.
И плод падет, и снег
падет на тело плода,
гниющего в траве
для семени внутри...
Какая в этот миг
прозрачная погода —
в миг смерти на земле:
смотри!
Лети, душа, в зенит.
Изъятая из списка
живых, ты навсегда
прописана в раю.
Смотри, душа, на дно:
оно от рая близко
совсем. Я до него
ногами достаю.

* * *

Какой печали тень прошла по дому?

Какой надежды льется свет из окон?

Я сердце не хочу отдать другому,

Не заблудило дабы ненароком.

Осенний ветер яблоню нагую

Склоняет низко, плод срывая спелый,

Я песню не хочу начать другую,

Я эту еще — горькую — не спела.

Как чистый лист — снег первый у порога,

Вороний глаз — из тополя, украдкой.

Я не прошу другой судьбы у Бога.

Мне и моя порой бывает сладкой.